
(Москва)

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ СЛАВЯНСКОГО ОКТОИХА XIII—XIV ВВ.

Каждая литургическая книга в своем историческом развитии проходит несколько основных этапов. На ранних этапах она, как правило, представляет собой гимнографический сборник, состоящий из отдельных групп песнопений одного и того же литургического жанра. Сборниками жанрового типа являются Кондакари, Стихирари, Ирмологии, Каноники. На более позднем этапе происходит преобразование сборников жанрового типа в книги, содержащие законченные последования, в которых песнопения располагаются в той последовательности, в какой они исполняются на литургии. Примером книг литургического типа могут служить современные Минеи, Октоихи и Триоди. В сборниках жанрового типа на первый план выдвигается музыкально-певческая сторона гимна: в них собраны родственные по жанру песнопения, относящиеся к одному музыкальному стилю и образующие единую систему музыкальных подобиий. В сборниках последований подчеркивается не музыкальная, а литургическая функция гимна, его место и назначение в системе церковной службы.

Проблема типологии литургических книг затрагивалась в разной связи во многих исследованиях, посвященных истории гимнографии¹. Типологический метод изучения памятников традиционного содержания на материале Евангелий был применен в работах Л.П.Жуковской². Мы вслед за исследовательницей хотели бы подчеркнуть плодотворность этого метода в изучении также и гимнографических сборников, поскольку выявление структуры, принципов построения литургических книг способно пролить свет на историю их становления, эволюции и распространения в различных странах православного мира.

Все сказанное имеет прямое отношение к истории славянского рукописного Октоиха. Среди списков этой литургической книги, наиболее ранние из которых относятся к концу XII — началу XIII, а основная масса — к XIV в., сохранилось достаточное количество сборников как жанрового, так и литургического типа. Подчеркнем, что речь идет о наиболее ранних списках славянского Октоиха, относящихся к Студийской его редакции, получив-

шей распространение у славян с XI до конца XIV вв. и сменившейся затем Иерусалимской редакцией этой книги.

Наиболее интересным в истории становления различных типов славянского Октоиха следует признать тот факт, что в южно-славянских странах в XIII–XIV вв. практически повсеместно господствовал литургический тип Октоиха (примером его может служить Струмницкий Октоих начала XIII в. болгарского извода, изданный в прошлом веке архимандритом Амфилохием³), а Древняя Русь в ту же историческую эпоху не знала этого типа вовсе и пользовалась исключительно жанровыми сборниками песнопений восьми гласов. В Изборном Октоихе, или Октаике, как называли его в Древней Руси, помещались стихиры, седальны, блаженны и некоторые другие виды гимнов, образующие отдельные группы песнопений восьми гласов, в Параклитике — каноны утрени восьми гласов. Нами было выявлено 9 древнерусских списков Изборных Октоихов только XIII–XIV вв., не считая списков XV в., и около 20 древнерусских Параклитиков того же времени. Следует отметить, что среди южно-славянских рукописей нам известно пока лишь 5 списков Изборных Октоихов — 1 болгарского извода и 4 сербского, хотя, вероятно, их на самом деле гораздо больше. Однако все они более поздней редакции, чем русские списки. Для южно-славянской письменной традиции в целом Изборные Октоихи представляют скорее исключение из правила, в то время как на Руси этот тип Осмогласника был широко распространен и был основным видом этой литургической книги на протяжении четырех с лишним веков. Параклитик же как тип сборника, содержащий только каноны утрени, практически не имел аналогов в южно-славянской рукописной традиции (так, этот тип Октоиха отсутствует и в классификации Богдановича). Таким образом, Изборный Октоих и Параклитик предстают как будто чисто русским явлением на фоне повсеместно господствующего (в том числе и в Византии) литургического типа Осмогласника.

Однако, исходя с самого начала из признания единства эволюции византийской и славянской книжности, мы полагали, что необходимо сосредоточить усилия на поиске греческих источников Октоиха жанрового типа, способных пролить свет на происхождение древнерусского Изборного Октоиха и Параклитика. Задача эта была весьма непростой, поскольку в собраниях нашей страны списки греческих Октоихов данного типа отсутствуют. Поэтому большое значение для нашей темы имела возможность ознакомиться с микрофильмами некоторых греческих Октоихов IX–XII вв. из собрания Синайского монастыря св. Екатерины.

Особенности строения греческих Октоихов из Синайского собрания впервые были отмечены архимандритом Антонином в его «Записках Синайского богомольца»: «Огромное большинство их (списков Октоиха. — *О.К.*) по внутреннему расположению следуют известному теперь порядку... Но в самых древних из них примечается совсем иной порядок в расположении содержания книги. Она обыкновенно как бы делится на две части. В первой помещаются стихирьы на Господи воззвах, на стиховне, на кафизмах, на хвалите, — воскресныя, восточныя, крестныя, умилительныя, мертвенныя, богородичныя, апостольския, мученичeskия, расположенныя по порядку 8 гласов. Во второй — каноны разного значения и названия. ...но и этот порядок не безусловно держится во всех их. Заметны в каждом экземпляре какие-нибудь отступления. Признаюсь, такой состав октоиха был для меня новостью»⁴.

Подобным строением отличается уже наиболее ранний пергаменный список греческого Октоиха унциального письма — *Sinait. gr. 776–1593*, принадлежащий синайскому скрипторию и датруемый Б.Л.Фонкичем рубежом VIII–IX — первой половиной IX в. Две эти рукописи из Синайского собрания, хранящиеся под разными шифрами, вместе с третьим отрывком в 22 листа из Британского Музея (*B.M. Add. 26113*) были идентифицированы К.У.Кларком и П.Бартоломео ди Сальво как части одного целого⁵. Рукопись является ключевой для понимания путей развития византийского Параклитика. Она является важнейшим звеном, связывающим воедино палестинский и константинопольский этапы в развитии греческого Осмогласника.

Так, значение ее состоит, в частности, уже в том, что она опровергает привычные представления традиционной науки, согласно которым вклад палестинской школы гимнографии состоял в создании циклов лишь воскресных песнопений восьми гласов — воскресного Октоиха, а вклад константинопольской школы — в дополнении воскресного Октоиха будничными песнопениями. На самом деле картина была более сложной.

Так, рукопись № 1593 содержит циклы воскресных и будничных седальнов (или иначе — тропарей) и стихир 3–8-го гласов, построенных по тому же принципу, что и в славянском Изборном Октоихе: в каждом гласе следуют сначала воскресные, а затем будничные песнопения. Содержание и текстовой состав песнопений в этих жанровых группах в большой степени совпадает с составом славянского Изборного Октоиха: среди стихир и седальнов есть покаянные, крестные, апостольские, мученичные,

заупокойные и богородичные гимны, причем они следуют в том же порядке, что и в славянских рукописях. Разница состоит лишь в том, что в греческом списке в одной гласовой группе объединены и седальны, и стихиры, а в славянских списках Изборного Октоиха эти песнопения, как правило, образуют отдельные группы 1–8-го гласов. Литургические пометы, сопровождающие стихиры и седальны в греческом списке, так же, как и в славянских Октоихах, указывают не на день недели, когда должен был исполняться гимн, но на содержание седмичной памяти: “στιχη κατανυκτικα”, “στιχη οβρωσια”, “στιχη ιεραρχικα”, “στιχη νεκρωσια”, “εις προφηη” и т. д. Последовательность песнопений в каждом гласе в целом соответствует посвящениям седмичных дней в современном Октоихе.

Традиция подобного типа сборников стихир и тропарей восьми гласов прослеживается в палестинской гимнографии уже в VII–VIII вв., задолго до эпохи Дамаскина. Мы находим их уже в древнегрузинском Иадгари — аналоге несохранившегося ранневизантийского Тропология⁶. По свидетельству грузинских исследователей, собрания этих песнопений в грузинских рукописях существенно отличались между собой по тексту, составу, характеру посвящений и не имели ничего общего с редакцией Октоиха, приписываемого Дамаскину⁷. Так, среди комплекта покаянных песнопений, опубликованных в древнегрузинском Иадгари, мы находим собственно покаянные, крестные, мученичные, заупокойные, богородичные и некоторые другие виды песнопений, образующие в каждом гласе определенную последовательность, но не приуроченные к определенным дням седмицы (*таблица 1*). По всей вероятности, в середине VIII в. Иоанн Дамаскин обобщил и обработал гимнографический материал своих предшественников, сгруппировав разные виды стихир и тропарей — воскресные, покаянные, крестные, апостольские и другие — по музыкальным гласам и подобиям и расположив их в последовательности привычного нам седмичного цикла. Таким образом, седмичная циклизация песнопений — второй важнейший структурный принцип Октоиха — открытие вовсе не студийской школы гимнографии. Студиты заимствовали эту редакцию всedневных песнопений Октоиха, по-видимому, уже в готовом виде из монастыря св. Саввы, которая затем, вместе со Студийским Типиконом была принята в монастырском богослужении всего византийского мира, в том числе и славянами. Выборочное сравнение состава стихир и седальнов 5-го гласа древнерусского Изборного Октоиха XIV в. по рукописи РГАДА Син. тип. 75 с соответствующими песнопения-

ми греческого списка Sinait. gr. 778 византийского Параклитика XI в. показало наличие в обоих списках общего ядра песнопений, восходящего, в свою очередь, к синайскому списку IX в. (таблица 2). Таким образом, перед нами различные этапы одной и той же литургической традиции гимнографического сборника восьми гласов устойчивого состава, истоки которой, по-видимому, следует искать в поэтической и песнотворческой деятельности Дамаскина.

Другую часть того же сборника — Sinait. gr. 776, — содержащую каноны, можно назвать прообразом славянского Параклитика, однако более ранней и своеобразной редакции, нежели та, которая знакома нам по славянским Параклитикам XIII–XIV вв. Первую часть рукописи составляют воскресные каноны с воскресными блаженнами 4–8-го гласов. В каждом гласе после каждой песни собственно воскресного канона, помещаемого в современном печатном Октоихе первым и приписываемого Иоанну Дамаскину, следует песнь другого канона, выделяемого рубрикой “*ἄρμος ἄλλος κινος*” (лл. 3, 5, 8, 9 об. и др.). Этот другой — “общий” — канон совершенно необычен по своей структуре и не имеет аналогов в современных богослужебных книгах. Каждая песнь его состоит из шестнадцати сборных тропарей, следующих в определенном порядке в зависимости от их содержания: крестовоскресные, воскресные, апостольские, мученичные, святителям и преподобным, покаянные, заупокойные (по два каждого вида), троичны и богородичны (по одному). Все тропари канона, кроме крестовоскресных, имеют на полях идентифицирующие пометы. Тропари невелики по объему и являются парафразами соответствующего ирмоса, тесно связанного с содержанием библейской песни. Можно лишь догадываться о назначении этого канона, называемого общим. Аналогия со строением “Стихир и седальнов” из первой части литургического сборника, состоявших из песнопений воскресного и будничного циклов, наводит на мысль, что тропари второго канона также исполнялись как в воскресные, так и будние дни, причем для каждого дня они, возможно, выбирались в соответствии с содержанием его седмичной памяти. Аналоги подобного сборного многотропарного канона находим в воскресном цикле древнегрузинского Иадгари, но там содержание тропарей ограничивается воскресной и крестовоскресной тематикой, здесь же присутствуют памяти также и седмичных дней.

Третья часть описываемого сборника (лл. 76–164) содержит разные каноны, имеющие при себе определение “*παρακλητικός*” — “молебные”. Именно это жанровое определение и дало впоследствии название всему сборнику песнопений восьми гласов, визан-

тийскому Параклитику. В ранней редакции синайского Параклитика молебные каноны, за исключением канонов Божией Матери и Бесплотным, еще не образуют осмогласного цикла и не отнесены к определенным дням церковной седмицы. Из всего набора молебных канонов в этой рукописи с канонами печатного Октоиха совпадают лишь те, авторство которых приписывается Феофану Начертанному, гимнографу савваитской школы — той самой, основателем которой был Иоанн Дамаскин (как известно, до появления в Константинополе в 813 г. в качестве защитника святых икон Феофан был монахом Лавры преп. Саввы Освященного). Так, в акростихе канона бесплотным 1-го гласа читаем: “Феофана первая Ангелам песнь” (лл. 104–107). Ни одного из канонов Параклитика, приписываемого константинопольскому поэту Иосифу Гимнографу, в синайском Параклитике не обнаружено. Из этого мы можем заключить, что в данной рукописи зафиксирована начальная стадия формирования византийского Параклитика. Местом создания этой ранней редакции мог быть монастырь св. Саввы под Иерусалимом.

В дальнейшем двухчастная композиция византийского Осмогласника, который состоял из Стихираря и сборника канонов восьми гласов, по свидетельству архим. Антонина (см. цитированный выше отрывок) и проф. Ханника⁸, стала универсальной моделью построения большинства ранних греческих списков этой литургической книги.

Более позднюю, константинопольскую редакцию византийского Параклитика содержат его греческие списки, датируемые концом X — началом XI в. Рукописи этого времени свидетельствуют о синтезе палестинской и константинопольской литургических традиций. Так, в Параклитике *Sinait. gr. 794* 992-го г. каноны Октоиха распределены уже в соответствии с содержанием седмичных дней и образуют осмогласную систему. Каноны Феофана дополнены канонами Иосифа (вторник — Иоанну Предтече, среда — Богородице, пятница — кресту). На каждый седмичный день положено по одному канону. Приведем состав канонов, помещенных в 3-м гласе:

1. Воскресенье — канон воскресный — лл. 13–16
2. Понедельник — канон молебный бесплотным — лл. 16 — 19 об.
3. Вторник — канон молебный Иоанну Предтече — лл. 19 об. — 23 об.
4. Среда — канон Богородице — лл. 23 об. — 25 об. (не совпадает с канонами в современном печатном греческом Октоихе)
5. Четверг — канон молебный апостолам — лл. 25 об. — 30

6. Пятница — канон крестный — лл. 30 — 34 об.

7. Суббота — канон усопшим — лл. 35 — 39 об.

Состав Параклитика *Sinait. gr. 794* свидетельствует о том, что становление греческого Параклитика — сборника седмичных канонов Октоиха — совершилось в византийской гимнографии в течение X в. Если в *Sinait. gr. 776* мы видим самое начало этого процесса — неопределенный набор молебных канонов разных гласов и разного содержания, то в *Sinait. gr. 794* в результате отбора, дополнения и систематизации этих песнопений сформировалось ядро литургической книги нового типа. Ведущая роль в этом процессе принадлежала Иосифу Гимнографу. Поэтому наличие в составе греческого Параклитика будничных канонов, принадлежащих этому поэту, указывает на константинопольскую редакцию этого сборника. Дальнейшее развитие византийского Параклитика шло по пути увеличения количества канонов на каждый день седмицы. Так, в *Sinait. gr. 777* — списке Параклитика XI в. — мы находим по 1–2 канона на каждый день, в *Sinait. gr. 778* XI в. — по 3 таких канона. Репертуар Параклитика стремительно пополнялся за счет гимнографических циклов в честь местночтимых святых и был необыкновенно разнообразен⁹.

Можно с уверенностью утверждать, что древнерусская редакция Параклитика отражала раннюю Константинопольскую редакцию сборника канонов восьми гласов. Состав древнерусского Параклитика, с удивительной консервативностью сохранивший вплоть до конца XIV в. одноканонную структуру (при том, что “один” канон древнерусского Параклитика зачастую содержит отдельные тропари из двух различных канонов), позволяет с достаточной степенью вероятности утверждать, что истоки этой книжной традиции восходят также к концу X — началу XI в. Так, набор памятей, типичный для древнерусского Параклитика XIV в., почти полностью совпадает со структурой греческого Параклитика *Sinait. gr. 794* 992-го г. (*таблица 3*). Основное его отличие заключается в наличии второго воскресного канона и в содержании памяти субботы: в древнерусских списках на субботу обычно помещались песнопения в честь пророков и мучеников, хотя встречались отдельные списки и с канонами в честь усопших (например, список Параклитика РГБ, Муз. 1364).

Как нам представляется, если бы византийский Октоих пришел на Русь даже в середине XI в., то мы имели бы другие, более развитые формы этой литургической книги — настолько быстро эволюционировал и пополнялся в этот период византийский Параклитик. Таким образом, состав канонов Параклитика — наибо-

лее динамичной части византийского Октоиха IX–XI вв. — является основным датирующим признаком для определения времени появления древнерусской редакции Октоиха. Логично предположить, что обе части Осмогласника — и Изборный Октоих, и Параклитик — появились у нас одновременно. На это указывает тот факт, что во всех списках славянского Изборного Октоиха помещался также дополнительный цикл “молебных стихир” — подобных стихир, исполнявшихся на “Господи воззвах”. Структура седмичных посвящений молебных стихир практически полностью совпадает со структурой канонов древнерусского Параклитика (стихиры понедельника посвящены ангелам, вторника — Иоанну Предтече, среды — Божией Матери и т. д.). Единая структура песнопений молебного цикла свидетельствует о том, что обе части единого богослужебного сборника были переведены одновременно.

Следует подчеркнуть, что мы далеки от того, чтобы считать именно древнерусского книжника автором этого перевода Октоиха. Скорее всего, *первый славянский перевод Октоиха, как и других богослужебных книг, был сделан южными славянами в середине или во второй половине X в.*, о чем свидетельствует факт распространения архаического типа Изборного Октоиха во всех славянских странах. *Первая же древнерусская редакция Октоиха создавалась на основе не дошедшего до нас древнеславянского перевода в первой половине XI в.*¹⁰ Другое дело, что русская книжная традиция лучше, чем южно-славянская, сохранила ранний вариант византийского Параклитика. Южно-славянский Октоих более чутко реагировал на изменения структуры византийского Октоиха, отражая позднейшие его редакции, относящиеся к XII в. Древнерусские же списки Осмогласника сохранили вплоть до XV в. в практически неизменном виде архаические типы византийской литургической книжности. Это интересный феномен древнерусской средневековой культуры, в котором отразилось ее национальное своеобразие, выражавшееся в приверженности традициям, стремлении следовать однажды выбранным образцам.

Примечания

¹ См., например: Карабинов И. Постная Триодь. Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. — СПб., 1910. — С. 206–207; Богданович Д. Метод описания рукописи у археографском одельену народне библиотеке СРС у Београду // Библиотекар. — 1968. — № 5. — С. 369; Hannick Ch. Dimanche. — Office selon les huit tons. “ОКΤΩΗΧΟΣ” // La prière des Églises de Rite Byzantine, 3. — Chevetogne, 1972. — P. 40–42; Follieri E., Strunk O. Triodion Athoum // MMB. Pars Suppletoria. — Copenhagen, 1975. — P. 46–52; Шеламанова Н.Б. Славяно-русский Октоих (венотированный) XII–XIV вв. // Методические рекомендации по описанию

славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2. — Ч. II. — М., 1976. — С. 344, 347; Petrovic D. Osmoglasnik u muzičkoj tradiciji južnih slovena. — Beograd, 1982. — С. 42, прим. 94.

² Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. — М., 1976.

³ Амфилохий, архим. О самодревнейшем Октоихе XI в. юго-славянского юсваго письма, найденном в 1868 г. А.Ф.Гильфердингом в Струмице. — М., 1874.

⁴ Антонин (Капустин), архим. Из записок Синайского богомольца // Труды Киевской Духовной Академии. Т. 3. — 1873. — Март. — С. 422.

⁵ См.: Checklist of Manuscripts in St. Catherine's Monastery, Mount Sinai, microfilmed for the Library of Congress, 1950 / Prepared under the direction of Kenneth W.Clark. — Washington, 1952. — P. 10; Hannick Ch. Studien zu den Anastasima in den sinaitischen Handschriften. Diss... Dokt. Philos. — Wien, 1969. — P. 21.

⁶ Древнейший Иадгари // Памятники древнегрузинской литературы. Ч. II / Подг. к изд. Е.П.Метревели, Ц.А.Чанкиева и Л.М.Хевсуриани. — Тбилиси, 1980 (на груз. языке). — С. 513–524.

⁷ Хевсуриани Л.М. Структура древнейшего Тропология: Дис... канд. филол. наук. — Тбилиси, 1984. — С. 148, 152.

⁸ Hannick Ch. Dimanche. Office selon les huit tons. “ΟΚΤΩΗΧΟΣ” — P. 42–43.

⁹ Ibid. — P. 39–40.

¹⁰ См. об этом: Момина М.А. Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси в XI в. // ТОДРЛ. Т. XLV. — СПб, 1992. — С. 200–219.

Таблица 1

Покаянные песнопения в древнегрузинском Иадгари

*Глас 1**

Покаянные на “Господи воззвах”	3
На “Славу и ныне” покаянный	1
Прокимен	
Стих	
Покаянные на “Хвалите”	3
Кресту	2
Мученикам	2
Заупокойные	2
Богородичные	4
св. Иоанну Предтече	1
св. Архидиакону Стефану	1
Богородице	1

* Древнейший Иадгари. — С. 513–514. Выражаем глубокую благодарность В.Василику за перевод текстов из Иадгари.

Таблица 2

	Sinait. gr.1593 1-я пол. IX в.	Sinait. gr.778 XI в.	РГАДА, Син. Тип.75 XIV в. (Изборный Октоих)
	<i>Kathismata Anastasima (5 глас)</i>		<i>Седальны воскресные</i>
1.Apolytikion anastasimon	1	1	1
2.Kathismata anastasima	5	3	3+1 Theotok.
3.Kathismata katanyktika	5	4	5
4.Kathismata staurosima	5	4	4
5.Kathismata apostolica	4	2	2
6.Kathismata martyrika	5	4	4
7.Kathismata eis osious	2	1	—
8.Kathismata nekrosima	4	1	1
9.Triadika	4	4	3
10.Theotokia	9	8	9
11.Photagogicon	—	—	1
	<i>Stichera Anastasima (5 глас)</i>		<i>Стихиры воскресные</i>
1.Anastasima esp.	3	3	3
2.Triadika esp.	—	—	3
3.Aposticha esp.	1	1	2
4.Anastasima orf.	4	4	4
5.Katanyktika	6	4	4
6.Staurosima	5	4	4
7.Apostolika	3	2	2
8.Martyrika	9	8	8
9.Eis Prophetas	1	—	—
10.Eis Ierarhas kai Osious	3	1	—
11.Nekrosima	4	2	2
12.Theotokia	12	7	11

Таблица 3

	Sinait. gr.794 (992 A.D.) Parakletike	РГАДА, Син. Тип. 81 (XIII в.) Древнерус. Параклитик
	<i>Структура каждого гласа</i>	
Sun.	Kanon Anastasimos (1)	Канон воскресный (2)
Mon.	Kanon ton Asomaton (1)	Канон Бесплотным (1)
Tue.	Kanon tou Prodrromou (1)	Канон И.Предтече (1)
Wed.	Kanon eis Theotokon (1)	Канон пресв. Богородице (1)
Thu.	Kanon ton Apostolon (1)	Канон св. Апостолам (1)
Fri.	Kanon Staurosimos (1)	Канон св. Кресту (1)
Sat.	Kanon Nekrosimos (1)	Канон св. Пророкам и Мученикам (1)

Summary

Early Slavic genre type Octoechos almost forgotten by the Southern Slavs, was widely spread in Old Rus in the 11–14th centuries. It contains Izborny (Selected) Octoechos and Paraklitikoi parts and is reckowed to be of Greek origin (poetry and hymnography of St. John of Damascus). The beginning of the Russian Octoechos tradition can be almost certain dated at the borderline of the 11th century, and up fill the 15th century it preserved unvaried archaic types of the Byzantine liturgical books.